

ЧЕРВОВЫЙ РАСКЛАД

Фантастический рассказ

Он отчитывает меня. Он опять отчитывает меня. Это так забавно, учитывая, что он – желторотый юнец, а я – зрелый, состоявшийся мужчина. Но я позволяю ему ворчать на меня. Ему можно. Потому что он – это я, только на пятнадцать лет моложе.

Он распинаятся и брюзжит, что я порчу его отношения с родителями, что я компрометирую его перед друзьями, что я неаккуратен с его телом и, трачу его время на черт знает что...

А я молчу и про себя улыбаюсь, вспоминая Наташку, такую юную, живую, непосредственную. Вспоминаю, что мы вытворяли у нее дома, когда ее родители уехали в гости к родственникам. Интересно, три раунда постельной борьбы считаются неаккуратным обращением с телом?

А он все не унимается. Даже порванную рубашку припомнил!

Ну, все! Пора пресекать этот пустой треп!

Да, я вернулся вчера в полвторого ночи, нарвавшись на бурю негодования в стане предков, но все это ерунда! Ты потом это сам поймешь – от молодости нужно брать по максимуму. Да, я лазил за цветами для Натки в чужой огород и порвал рубашку. Если бы я мог захватить с собой в прошлое денег, это не понадобилось бы, но мы меняемся только сознаниями, сам знаешь. Да, я как-то ляпнул в компании, что хочу стать отцом, и твои друзья, конечно, меня подняли на смех, зато видел бы ты глаза Наташки! Да, признаюсь, признаюсь... Но давай-ка поговорим и о твоём поведении. Ты потратил почти всю мою наличность из бумажника, ты забавлялся в моей машине с какой-то девицей, которая забыла под сиденьем... ага-ага, скажем, часть своего белья. Ты, умудрился по телефону обзывать моих деловых партнеров нудными... как? Ушлепками? А твоё поведение и твои выраженьица, когда ты гонял с детьми на симуляторе! Ты компрометируешь меня перед моей женой, детьми, компаньонами... Я уж не говорю про неизменно пустой бак «Хонды» после твоих покатушек...

Он молчит. Мысленно представляю, как краснеют его уши при упоминании про оставленное под сиденьем. В том месте, где мы встречаемся, мы не видим друг друга, по крайней мере, в привычном понимании слова «видеть». Общение происходит при помощи не поддающихся описанию мыслечувств, а разум уже додумывает все остальное.

Молчит... Может быть, я с ним слишком жестко? Не знаю... Мне кажется, я всегда получаю от наших рокировок больше, чем он. Эмоционально. Психологически. Но и он отрывается в мире достижений высоких технологий по полной! Тут тебе и компьютерные игры, и домашний кинотеатр с хитовыми фильмами, и мобилка, и Интернет. Ну и, конечно же, «Хонда» с объемом два и три. Да любой юнец хоть в прошлом, хоть в настоящем, за счастье оказаться за штурвалом такого «космолета» полжизни отдаст, не то, что каких-то семь-восемь часов. Правда, когда я думаю о том, что вверяю в руки семнадцатилетнего пацана, не имеющего прав, аппарат ценой в двадцать семь тысяч зеленых, мне становится... неудобно. Но я напоминаю себе, что он – это я, что батин «москвич» я начал водить с пятнадцати лет, и что за все эти годы на моем счету не было ни одной аварии. Тьфу-тьфу, как говорится...

Ну, вот, угомонился. Успокоился. Это правильно. Незачем нам портить отношения.

Я планирую совершить еще несколько визитов в свое прошлое, побыть еще немного с Натальей, прежде чем нам с ней нужно будет расстаться. Все закончится к осени, к осени по его времяисчислению, когда на горизонте появится Ирка, пропустить встречу с которой нельзя, ибо это ключевой момент в моей жизни. Наташа, конечно, не идет ни в какое сравнение ни с Ирккой, ни с появившейся позже Жанкой, моей нынешней женой и матерью двух моих сыновей, но, во-первых, я-молодой еще не осознал тогда всей ценности своей девушки, а, во-вторых, тут уж ничего не поделаешь. Нужно сделать так, чтобы мое настоящее, его будущее, стало таким, каким я его знаю. Самодеятельность ни к чему, хотя сердце, по правде сказать, начинает скулить, когда я думаю о том, что потеряю самого дорогого для меня человека. Ведь светлую память о нашей любви я пронес через годы.

Да, да! Мир, дружба, жвачка. Как же иначе!?

Значит так, Жанна с детьми у тещи, «Хонда» в гараже с полным баком. Ключи – где обычно. Никакого алкоголя за рулем! И никакого стритрейсинга, понял!?! Ах, ты не знаешь, что это такое!?! Тем

лучше! Будь осторожен! Во-первых, за машину урою, если разобьешь. Как, как!? Не знаю как, но урою. Во-вторых, ты сам... Хрен его знает, что может произойти, если ты там у меня застрянешь или чего доброго расшибишься. Ну, и сам понимаешь, мне будет неприятно проснуться в ментовской клетке или на больничной койке. В койке какой-нибудь шлюшки тоже, не подмочи мне репутацию. Ладно, ладно. Нотаций больше не будет. Что говоришь? Прокатишься и засядешь смотреть третий «Терминатор» с пивом? Хорошая мысль! У тебя еще ведь даже первый не вышел, да? Кстати, поищи в супермаркете «Velkoropovitsky Kozel». Пиво что надо, у себя такое не найдешь. И рыбку к нему... Семгу, например. Что? Я поучаю как отец? Ну-у... вполне возможно.

Ладно, ты там у меня уже освоился, разберешься. И вот еще что... когда жена вернется...

Про это не хочется, но из песни слова не выкинешь. Так же, как я занимаюсь там, в прошлом, любовью с Наташкой, он экспериментирует в моем времени с моей женой. Наверняка не каждый раз, но... Что интересно – в чужих телах мы показываем лучшие результаты в плане удовлетворения женщин. Моя опытность при эксплуатации юного здорового тела и его внутренняя энергия, питающая тело взрослого, оказались очень даже удачными сочетаниями.

Что? За кого ты меня принимаешь?! Естественно, я не приду домой пьяным – теперь его очередь давать наставления. Хорошо, постараюсь не поздно. Помню, что после одиннадцати мать уже вся на нервах. Но иногда она засыпает в десять, не так ли? Даже не иногда, а часто... Эх, как бы легко решил эти проблемы мобильный телефон...

Не врубать громко музыку при соседке, не тратить все карманные деньги, беречь одежду, не душиться подаренным теткой одеколоном, если иду с приятелями – издевок не оберешься. Хм, смешной... Неужели я таким был? Не иду я ни с какими приятелями! Я Наташку веду в те... Нет, не скажу. Решит еще, что такое времяпрепровождение скомпрометирует его. Не поймет пацан, не прохавает, как они сами говорят, фишку. Театр – это для них что-то такое... непрестижное, неприкольное, непонятное. Это уже потом, благодаря студенческим приятелям и приятельницам, я приобщился к этому искусству, и сценическое действие стало увлекать. Года через два-три.

Все, да!? Ну, давай! Удачи! Ночью встретимся. Во сне.

Я не знаю, как это происходит, и какие механизмы совершают это. Не знаю, как мы меняемся, и как мое сознание переходит в тело меня самого, каким я был в семнадцатилетнем возрасте, а его переселяется в мое сегодняшнее, тридцати двух лет от роду, начинающее расплываться тело отца двоих сыновей и средней руки предпринимателя.

Я не знаю, как это происходит, и что за этим стоит.

Искрящаяся круговерть, давящая на виски и выворачивающая наизнанку, втягивает внутрь, несет по спирали мимо огней, мимо тьмы, мимо бесцветных таинственных образований и выбрасывает по ту сторону времени.

Старая квартира. Маленькая, уютная комнатка. Шелестящая под окном акация. Плакаты расклеены на стенах. Забытые имена вроде «KISS», «AC/DC», «Scorpions», мотоциклы, активные тогда соперники Сталлоне и Шварц. Стол почти пустой в межсезонье двух учебных эпох – школьной и институтской. Лампа, облепленная наклейками от жвачек.

И порванная на клочки семерка червей из заветной четвертованной колоды – наш способ нарушать основы мироздания и совершать путешествия во времени.

Откуда она взялась? Достоверного ответа не будет, но, если напрячь память, то можно вспомнить тот день, когда четверо пацанов, приехавшие на озеро, взяли под вечер в собутельники маленького невзрачного старичка, который, хоть и представился местным жителем, вряд ли им был. Судя по его внешности и простецкой походной одежде, он с равным успехом мог бы вписаться в любой пейзаж: казахских степей, сибирской тайги или белорусских лесов. Впрочем, он и был настоящим скитальцем и по просторам необъятной Родины и за ее пределами, этаким беспородный Сенкевич. К таким обычно приклеиваются прозвище «гражданин мира». Водка славно пошла под ароматную ушицу и его байки. Я оказался неожиданно самым стойким бойцом, и в итоге мы остались с дедом тет-а-тет. О чем мы тогда говорили по пьяни – не вспомню. Что-то о судьбе, желаниях и смысле жизни. Куда потом делся этот уникальный персонаж – тоже осталось загадкой. Однако по возвращении из похода я обнаружил на дне рюкзака завернутые в серую оберточную бумагу и разложенные по порядку тринадцать карт червовой масти, от двойки до туза. Карты были странными, как и тот, кто их подкинул. Во-первых, совсем не такие, которые можно купить в магазине, с узорами по контуру, вычурными изображениями в готическом стиле и едва заметным рисунком паутины в качестве крапа. Во-вторых, они одновременно казались новыми, и в то же время создавалось впечатление, что эта чертова дюжина прошла через не один десяток рук. На бумаге, в которую были завернуты карты, я нашел единственную подсказку. «Не порван – не вор» – так гласила карандашная надпись, сделанная корявым, но не лишенным изысканности почерком. Это было все.

С этого момента, собственно, и начинается самое интересное. Я уверен, что, покрутив эту загадочную четверть колоды, сунул ее в дальний угол к выполнившим свою миссию школьным тетрадкам и книжкам, и забыл. Мой юный двойник из прошлого утверждает, что в первый же вечер порвал верхнюю карту. Двойку. Сделав это, он в тот же миг словно провалился в какую-то неопределенную пустоту, в которой ему явился я.

А что же я?

Сверток с картами провалился среди старых бумаг вначале в отцовском гараже, потом в моем, пока я в один совсем не прекрасный день, спустя целых пятнадцать лет, не обнаружил их, делая после зимы генеральную уборку в логове моей «Хонды». Накануне я поссорился в очередной раз со своей женой и с утра пораньше ушел из дома, чтобы успокоить нервы. Я рассчитывал куда-нибудь поехать, но погода выдалась совсем не мартовская, с морозцем и вьюгой, и я застрял в своем двухэтажном гараже. У меня был обогреватель, бутылочка вина, несколько любимых дисков, а так же старый хлам, который давно стоило пересортировать и, закрыв глаза на все сентиментальные воспоминания, отправить в мусорку. Карты нашлись по соседству с дневником за десятый класс и блокнотом с текстами и аккордами популярных некогда песен. Я развернул протертую на стигах бумажку и взглянул на «Не порван – не вор» иными глазами. Двойка, лежащая сверху, словно сама попросилась мне в руку. Я улыбнулся, вспоминая пьяный вечер у озера, своих друзей того времени, свою первую любовь...

И порвал ее.

Так мы и встретились. Сошлись сознаниями то ли во сне, то ли в каком-то трансе, то ли в неведомом месте без пространства и надо полагать времени, которое мы за неимением лучшего названия нарекли «астралом».

Нет, никакие наркотики к этому отношения не имеют. Я их никогда не принимал. Эпизодический прием алкоголя тоже такого бреда не породит. Тут все серьезнее.

Ладно, пора собираться. Начать с ванной, где, прежде всего – насладиться своим отражением в зеркале. Экий красавчик! Приятно полюбоваться! Постричься разве что не мешало, а так... ни тебе обрюзгих щек, ни тебе второго подбородка, ни тебе выпирающего брюшка. Ясные глаза без всяких признаков усталости. Подтянутое тело на пике, так сказать, своей формы. Не качок, конечно, но и мышцы, и пресс – оценка «хорошо», не меньше. Холодный душ для такого тела – одно удовольствие (я то в будущем уже не мыслю водные процедуры без горячей ванны). Вытереться. Почистить зубы. Причесаться.

Так, одежда, конечно же, не поглажена. Хорошо хоть постирана, но это уже мамина заслуга. Кстати, о родителях. Придут ведь с минуты на минуту! Хорошо бы улизнуть до этого момента, а то начнется... Ух, во мне прям дух тинейджерства проснулся! Ладно, джинсы можно и не гладить, а вот рубашку придется. Как же этот древний уют долго греется!

Хм, а ведь эта рубашка у меня до свадьбы доживет. Правда, в качестве ветоши...

Одеваю. Пока что она очень даже ничего. Заправлять в джинсы или нет? Нет, тогда предпочитали навывпуск. Прикид, конечно, не для театра по большому счету, но выглядит нормально. Звоню Наташке. Привет, Солнце. Тоже рад тебя слышать. Готова? Ну, замечательно! Я уже выхожу. Ага. Какие планы на сегодня? Знаешь, у меня есть для тебя один сюрприз...

Спектакль просто классный! Игра актеров очень хороша. Особенно если смотришь в первый раз. Комедия, но одна из тех, где смешно и грустно одновременно, а финал еще и с элементом неопределенности. Именно такой бывает зачастую реальная жизнь.

Мы стоим с Наташкой на остановке и ждем запаздывающий троллейбус. Юрких маршруток еще нет, первые из этой гвардии появятся лишь через пару лет. На такси, ясен пень, нет денег. Стоим. Ждем.

Времени совершенно не жаль, когда я с ней. Наташка в красивом синем платье и белых босоножках. На шее тонкая ниточка бус, на запястье – плетеная из бисера фенечка. Принцесса! Я стою за ее спиной, обнимаю за плечи, наклонившись к щеке, вдыхаю ни с чем не сравнимый, тонкий аромат ее духов вперемешку с запахом кожи. Меня наполняет изумительное состояние эйфории. Мы целуемся. В душе такой щенячий восторг! Еще бы – снова чувствовать себя семнадцатилетним! Снова этот калейдоскоп сумасшедших красок и ощущений. Могу как ветер пронестись по аллее, могу вскарабкаться на фонарь, и оттуда прокричать на весь мир актуальное во все времена «Я тебя люблю!». Конечно, молодое тело – это еще не все. Никуда не деть тот накопившийся жизненный опыт, что сидит во мне, и изменившуюся с годами шкалу ценностей, и само восприятие мира. Однако, как оказалось, можно не заморачиваться на этом, забыть про условности и правила, диктуемые окружением и статусом, про существование в отведенных пространственно-временных рамках, можно просто быть собой. Ловить кайф от молодости, от оживших воспоминаний, от музыки, уже давно ставшей ретро, от общения с любимой девушкой, причем именно такой, какой ты ее запомнил. Вот это последнее – самое главное. Наташка, ага. После того, как мы расстались, я долго еще тосковал по ней. Я не смог ее забыть даже спустя годы. А тут она вот, рядом, я касаюсь ее, я держу ее в своих объятьях.

Сказка! Ожившие воспоминания! Если бы мне суждено было оказаться в чем-нибудь ином теле, таком же молодым и юном, но чужом, или пусть в моем теле, но в другом времени, мне не было бы так хорошо, так чудесно. Интересно, за что мне такое счастье?

Она смеется. Я забавный или сказал что-то смешное? Впрочем, какая разница!?! Смотри, смотри, как летит тополиный пух в свете фонаря! Слово снег. Красиво, правда?

Мне очень хорошо с тобой, Наточка. Жаль, что это не может продолжаться бесконечно. Карт осталось семь. И на последней нам придется расстаться. Не позднее, чем через два месяца.

Да. Мы и так изменили ход событий. По собственным воспоминаниям я расстался с Наташкой в мае и все лето до зачисления в институт был один. Когда нас свели карты, я предложил себе молодому поступить иначе. Помириться с Наткой и не расставаться с ней до осени. Поначалу он был против. Надулся, встал в позу, однако я попытался его переубедить. Ведь что стало причиной разрыва? Просто недопонимание во взаимоотношениях, кажущаяся разница в характерах – ничего такого, что нельзя исправить. Мы же тогда элементарной притирки не выдержали. Не захотели мучиться и по кирпичику строить отношения, себя ломать и перестраивать побоялись, особенно я, на уступки идти не пожелали, а без этого никак. Не бывает в этих вещах все просто, все без проблем. Нужно учиться иногда признавать свои ошибки и идти на сближение.

И я таки уговорил его, приняв процесс примирения, конечно же, на себя.

Я-молодой предпринял последнюю забавную попытку защититься тем, что это помешает ему подготовиться к вступительным. Но по этому вопросу у меня-взрослого было чем его порадовать и окончательно убедить, что все будет хорошо. Я ведь знал, что будет летом.

В том году проходной бал был достаточно низким и напрягаться так, как напрягался я тогда, не стоило совершенно. От репетитора по математике можно было и вовсе отказаться, а сэкономленные деньги потратить более приятным способом. Имелся вариант вообще поступать на другую, соседнюю, специальность, где конкурс практически отсутствовал, но, решишь мы на такое, я даже не знаю, как сложилась бы моя жизнь.

Да, самая главная особенность карт в том, что по возвращении домой из прошлого, я не нахожу в своем времени никаких изменений! Поначалу это меня беспокоило. Я, помнивший из книжек и фильмов про неизбежность причинно-следственных связей, не понимал, как такое может быть – «эффект бабочки» и все такое. Потом привык, успокоился и расслабился. Ну и ладно. Теории фантастов терпят крах. По крайней мере, на этом промежуточном этапе. Как следует поразмыслив, мы с моим двойником из прошлого пришли к выводу, что в нашем случае скорее всего имеет место накопительный эффект и, когда закончатся карты, мне аукнется все, что я натворил в своем собственном прошлом. Вообще, тема эта сложна и лежит за пределами моего понимания. Сейчас я уверен лишь в одном – если одинокий первокурсник в сентябре не встретит девочку Ирочку, дочку богатых родителей, он останется никем и ничего не достигнет в жизни.

Я успеваю на последний троллейбус. К полуночи буду дома. Хотя будь моя воля, я не терял бы и минуты лишней из отведенных мне судьбой, чтобы побыть с Наткой.

Город проплывает темный, спящий, без неоновых реклам и шума расплодившихся в будущем кабаков и ночных клубов. Машины – старые. Шестисотый мерседес – невероятная крутизна. Представить на этих улицах «Порш» и «Хаммер» нереально. О мобильных телефонах и интернете никто не знает. Здесь катится к закату эра русского рока и восходит звезда электронной музыки. Здесь сбивают первичный капитал челноки, и бандиты начинают перекалцифицироваться в бизнесменов. Здесь все идет своим чередом.

Кто я здесь? Чужак? Диверсант? Турист? Заблудившийся несчастный странник? Может быть, таким же странником был тот дед у озера?

Интересно, если бы была возможность остаться здесь подольше... подольше, или даже навсегда, воспользовался бы я этой возможностью? Оставил бы себя молодого в XXI веке разбираться с бизнесом, двумя детьми, женой-стервочкой, а сам бы проснулся завтра здесь, в двадцатом, на пахнущих «Лотосом» простынях, под шепот акации, никуда не спеша, ни о чем не заботясь. Пробежку бы устроил, зарядку. А потом... собрали бы с Наташкой рюкзаки и метнулись бы на юг автостопом – всегда мечтал это сделать. Сколько возможностей...

Хотя на самом деле возможностей не так уж и много – карманы-то пусты.

Да, останься я здесь, с Наташкой мне все равно не быть, если я не хочу вечно пребывать в роли нищего студента и оправдывать свою жизнь философией про рай в шалаше.

Блин! Ну, вот я знаю на обывательском уровне историю своей страны, помню политическую и общественную обстановку, всякие мелочи, разбираюсь в механизмах бизнеса. И что? Был бы какой-нибудь стартовый капитал, я бы знал, как его прокрутить. Капитала нет. Работать и копить? Сколько лет придется копить в условиях галопирующей инфляции? Выиграть в тотализатор, поставив на нужную лошадку – нет

тотализатора. И долго еще не будет. Убедить нужных людей в том, что деньги можно вложить туда-то и туда-то? А где этих людей взять? А кто меня будет слушать? Добыть бабки криминальным путем? Я ничем серьезнее взяток чиновникам и двойной бухгалтерии не занимался. Можно, конечно, поиграть в Нострадамуса, предсказывая будущее. Покопаться в памяти или архивах у себя там, подготовиться, и быть предвестником катастроф, стихийных бедствий и судьбоносных политических решений. Мерзко! Походить на клоуна, выслушивать обвинения в шарлатанстве... Не-е... Кроме того, почему-то кажется, что за такое можно схлопотать по ушам. От кого? Ну, кто-то же создал эти карты!

Да, положеньице... Фантасты обыгрывают попадание в прошлое каких-то пустяковых артефактов или крупиц информации, переворачивающих основы мироздания, а тут все тебе как на блюдецке с голубой каемочкой – но ничего не придумаешь. Все, что можно – это предостеречь родных и знакомых от каких-то мелких неурядиц и проблем, посоветовать какие-нибудь «теплые места». Ничего глобального.

Значит, остается просто жить. Ему. Не мне. Мне ведь остаться все равно нельзя – едва моя голова коснется подушки, и я засну, мое сознание понесется сквозь бездну времени, и я проснусь уже на расстоянии пятнадцати лет отсюда.

Так что то, что нет искушения остаться – это, наверное, к лучшему.

Дом. Родители спят. Повезло. Я тихонько крадусь на кухню, утоляю жажду компотом из холодильника, пробираюсь на цыпочках в свою комнату и, едва стянув одежду, валюсь спать.

Он ждет меня. Или не ждет. Может быть, только что пришел. Тут же не поймешь: синхронизации между временными потоками нет. В свое прошлое я путешествую, растягивая удовольствие, уже полгода. Для меня юного первый контакт состоялся полтора месяца назад.

Но все равно. Подсознательно кажется, что он меня поджидает. Не знаю, почему так. Я даже догадываюсь, о чем он хочет со мной поговорить. Но начинает он с другого.

Хой умер. Я долго не могу въехать о ком он, но потом вспоминаю. Музыкант. «Сектор газа». Солист.

Да, говорю. Из жизни ушло за эти годы много ярких людей. И своей смертью, и не своей. Ты хочешь предупредить их о том, что с ними будет? Думаешь, стоит? Вообще это твое право, но я бы не стал. Наверное. По крайней мере, не Юру, который сам выбрал свой путь с наркотой. Цоя, пожалуй, попробовал бы спасти, да еще Башлачева... Но они ушли еще до моего семнадцатилетия. А? Ну да, я припоминаю, каким успехом пользовались колхозно-панковские песенки... Но, давай начистоту. Ты ведь хотел поговорить со мной о других вещах? Я не ошибся?

Ты хочешь поговорить о том, как все закончится и кто сделает главное? Ты не хочешь в этом участвовать. Ну, еще бы! Я тоже не хочу, но от этого никуда не деться. Любишь кататься, люби и саночки возить, как говорится. Ладно, ты как-нибудь начни подготавливать почву, а последний разговор будет за мной. Да, знаю. Да, подло. Ну что ты ноешь, я все понимаю.

Понимаю!

На первых порах после разрыва (три карты, может четыре) мосты строил лишь я, а мой двойник держался в стороне от всяких сцен, расставляющих точки над «i» в наших отношениях. Лишь телефонные разговоры ни о чем, да недолгие ненавязчивые встречи, к которым я его тщательно готовил. Потом произошло то, чего и следовало ожидать – угасший огонь страсти запыхал с прежней силой. В Наташку влюбленными оказались мы оба. Причем, взаимно. Прошло совсем немного времени, и теперь уже я-молодой давал инструкции и наставлял меня-взрослого перед перемещениями, если в том была необходимость.

Как же будет трудно и больно жечь возведенные мосты...

Но я сделаю это. За свои поступки нужно платить самому. Сполна. Так?

И я еще раз повторяю, вздыхая, что разговор будет за мной.

Хорошо, говорит он. Хорошо, машинально отвечаю я, хотя ничего хорошего тут, конечно, нет.

Пока, говорит он. Пока, отзываюсь я.

Мы оба уходим во тьму. Каждый в своем направлении.

Лето. Тут лето. Такое желанное и волшебное после дождливого и холодного ноября моего времени. Наташка веселая, озорная, счастливая. Светлый сарафан на загорелом теле. Босоножки на каблучках. Заколка-бабочка. Ослепительная улыбка. Искрящиеся глаза. Летящая походка. Яркая помада, которой, впрочем, как обычно суждено быть съеденной. Ну, просто девочка с картинки!

Или из воспоминаний.

Мы на танцах. Для меня это изрядная экзотика. Я думаю о том, как бы не ударить в грязь лицом, потому как не танцевал уже целую вечность, но вместе с тем внутри что-то такое разгорается, дикое, свободное, пофигистичное... это не описать словами. Витает мысль, что это подстава меня-молодого – о дискотеке он просто поставил меня в известность, не дав возможности выбирать. Глупо, коли так. Облажаюсь я – значит облажается он. Учитывая то, что мы в компании – плохая шутка. Впрочем, может, тут и нет никакого коварства...

Приятно видеть забытые лица. Миха, Витька, Инка, Стас, Настька. Кто-то еще подходит, здороваются, но я их не помню. Неважно...

Танцплощадка постепенно заполняется. Отдыхаем. Танцуем. Тело двигается в такт музыке. Вначале робко, застенчиво, зажато, потом с каждой новой песней все легче, энергичнее и отвязно. Вначале я повторяю движения окружающих, вспоминаю, учусь, потом все происходит уже само собой. Зажигаем!

Репертуар – полное ностальжи. Рэп, техно, диско, рок-н-ролл. Еще нет этих «кислотных» ламп, лазерных лучей и стробоскопов, по крайней мере, нет здесь, на этой летней площадке. Только цветные прожекторы да зеркальный шар над пультом ди-джея, пульта еще не оснащенного компьютером.

Я пожираю глазами Наташку. Ее движения так грациозны, так обольстительны... Заколка отправляется в мой карман, и вот уже волосы моей любимой начинают *своей* ошеломляющий танец. Они вздрагивают, летают, возносятся и ниспадают как воплощение всех трех стихий – воздуха, огня и воды. Я не могу оторваться.

А потом я решаюсь отправиться к ди-джею. Я не уверен, что тут уже вышла эта песня, что она есть в здешней фонотеке, но мне невероятно везет. Заказ композиции стоит немало, но я, не торгуясь, прощаюсь с возможностью выпить лишний бокал вина и съесть мороженое. Для нее.

Музыка на танцплощадке на миг стихает и стриженный «площадкой» пацанчик из-за пульта объявляет, что следующая песня звучит для девушки Наташи от ее любимого молодого человека. Натка вопросительно смотрит на меня. Я расплываюсь в улыбке до ушей – ничего не могу с собой поделатать – и киваю. Для многих эта песня, под которую особо не потанцуешь – перерыв на выпивку и сигарету, мы же остаемся в центре зала.

Я знаю, что мы оба запомним навсегда этот медленный танец.

В старом парке пахнет хвойной тишиной,
И качаются на ветках облака.
Сколько времени не виделись с тобой?
Может, год. А, может, целые века.
Ни за что теперь не отыскать следов
В дальний край, где мы друг друга не нашли.
Я пришел к тебе из позабытых снов,
Как приходят в свою гавань корабли.

Натали, утоли мои печали, Натали.
Натали, я прошел пустыней грусти полземли.
Натали, я вернулся, чтоб сказать тебе: "Прости".
Натали, от судьбы и от тебя мне не уйти.
Утоли мои печали, Натали.
Натали...

Потерял я где-то в бездорожье лет
Безоглядную влюбленность и покой.
Брал от жизни все, что мог и не секрет -
Я не свят, я виноват перед тобой...

Слова словно нож режут сердце, за строчками я вижу себя, и оттого на душе становится невообразимо больно и... хорошо. Скрипки на заднем плане в припеве заставляют глаза предательски блестеть. Хорошо, что этого не видно. Ее голова лежит у меня на плече. Мои руки просто обнимают ее, самую классную девчонку на свете.

Незабываемый вечер!

Я провожаю Наташку до дома. Мы, счастливые, бредем, держась за руки, по уснувшим улицам. Судьба хранит нас от любителей гоп-стопа и прочих шальных персонажей, коими славились те времена. Потом мы долго стоим под подъездом, целуемся, не в силах расстаться. Наконец ее каблучки возносятся по лестнице на третий этаж. Красивые ножки мелькают в окне подъезда. Я жду, пока негромко щелкнет дверь, и только после этого ухожу.

Я проделал долгий путь,
Только время обмануть
Невозможно, Натали.
И хоть я другим не стал,
Но в дороге я устал,
И душа моя в пыли.

Он встречается меня в этом подпространственном тамбуре. Подавленный, грустный и даже немного озлобленный, хоть и пытается скрыть это. Я делаю ставку на то, что причина в ревности – все-таки два мужика в одном теле... Обычно я угадываю его настроения и мысли, ведь я – это он, а он – это я. Но не на этот раз.

Мы долго молчим, потом он огорошивает меня вполне логичным и вместе с тем неожиданным вопросом. Он спрашивает меня, знаю ли я, как обстоят дела с Наташкой там, в моем времени?

Дела? Нормально дела, автоматически говорю я, хотя не имею ни малейшего понятия о том, как сложилась ее судьба. Слышал, что у нее семья, ребенок. Слышал, что она уехала из города. Иногда накатывало желание разыскать, но дальше простого желания дело не шло. Стыдно, конечно. Я ведь так с ней поступил... Или поступлю...

Я словно чувствую на себе осуждающий взгляд себя-молодого. Полегче, парень! Ты – это я. Ты поступишь также в свое время, нечего на зеркало пенять. Суждено нам быть сволочью. Не *быть*, может быть только *стать*. Стать, быть... Но какая к черту разница!

Он не отвечает. Мне чудится горький вздох. Потом контакт разрывается.

Три карты. Всего три. Это все, что осталось. Я сижу в опустевшем офисе, за своим столом, разложив перед собой эти магические прямоугольнички. Вечер пятницы. Все разошлись, компанию мне составляет лишь бокал коньяка да рыбки, плавающие на экране монитора в качестве заставки. В окно стучит холодный ноябрьский дождь, наверное, последний в сезоне. Жутко не хочется возвращаться домой. Утром мы разругались с женой из-за того, что я неправильно воспитываю детей, я слишком строг, я плохой отец, когда нужно меня вечно нет, ну и далее, что я эгоист, что я все делаю ей наперекор, что я слышу только себя. Не знаю, может быть, относительно некоторых вещей она и права, но потакание детям в капризах уже привело к тому, что Лешка, наш старший, вырос вруном и бездельником. Он прогуливает школу, никого не слушает, а вчера он без спроса унес из дома камеру и умудрился разбить ее.

По мне – так это очень серьезный проступок. Мое детство и юность научили меня очень аккуратно обращаться с вещами и чувствовать ответственность за свои действия. Жанна, выросшая в семье, где не было неисполняемых желаний, привыкла к другому. Наши мнения оказались противоположными. С этого все началось.

Три карты. Я перебираю их в руках, задавая себе вопрос, почему я следую возникшему ниоткуда правилу, что использовать карты нужно в порядке возрастания их достоинства. Может, это и не имеет значения, а может имеет, и еще какое! Я давно думаю над этим, но ни разу не посмел нарушить порядок. Что-то не давало. Дама, король, туз. Что будет, если я сейчас порву туз? Что изменится? Или же не пытаться идти вопреки предчувствию?

Три карты. Значит, финал близок. По уму нужно уже начинать готовить почву для разрыва, но я не знаю, смогу ли. Чем ближе к концу, тем тяжелее. Одолевают миллионы мыслей. В душе тлеет желание послать все к черту и не расставаться с Наташкой, но разум говорит утробным голосом сквозь боль и грусть «Нельзя! Нельзя!»

Ну что теперь? Позвонить домой, извиниться перед Жанной, купить по дороге букет цветов и отложить визит в прошлое до лучших времен или все-таки порвать карту?

Глоток коньяка. Стук капель. Вой ветра. Тиканье часов...

Я смотрю на рисунок стрелок. Начало восьмого. Еще можно многое успеть. Мне-молодому в моем теле придется несладко – или шляться по городу (причем желательно без машины – во мне уже больше ста грамм коньяка) или идти с повинной к жене. Впрочем, это можно обсудить в астрале.

Да или нет? Нет или да?

Я уже знаю, что судьба чертовой дамы из заветной четверть-колоды предрешена.

На тот факт, что я порвал карту на работе, я-молодой реагирует на удивление спокойно, лишь интересуется всякими мелочами по типу есть ли на компе Интернет, в который он научился нырять очень быстро, найдется ли кофе, может ли кто-нибудь зайти вроде охранника, уборщицы или забывшей зонтик секретарши. Я рассказываю все, что надо. Мы ведем непривычно мирную беседу, причем я никак не могу уловить настроение своего юного «я». Он какой-то весь в себе, серьезный и немногословный. Получается так, что я говорю раза в два больше его. Не забываю с сожалением признать, что у него только два варианта – явиться «с повинной» домой к семье, чуть раньше или чуть позже, или заночевать на диване в приемной. Напоминаю о выпитом коньяке и прошу (именно *прошу!*) воспользоваться, если что, такси. Странно, но он не возражает.

Я все-таки спрашиваю, что с ним такое. Ничего особенного? Как, кстати, вступительные? Отлично! Поздравляю! Видишь, я был прав. И в другом... Ладно. Не буду. Что? Нет, я ничего не узнал про эти карты. А ты? Стас? Ну помню... Был с нами тогда на озере, да? Ну, рассказывай!

Действительно, ничего особенного. Стас, один из участников той памятной пьянки вспомнил, что пока мы болтали с тем дедком, он вставал отлить и слышал какую-то, по его мнению, хренотень про то, что я должен сделать выбор между четырьмя сторонами жизни – деньгами, здоровьем, любовью и чем-то еще... Это все. Вытрясти еще хоть что-то из Стаса не удалось. Жаль.

Четыре масти. Четыре стороны жизни. Очень похоже. Богатство, здоровье, любовь, что может быть еще... власть, слава, удача? Хм, а я выбрал... любовь. Червы – сердечки. Сердечки – любовь. Это понятно, но... Может быть, я все-таки выбрал деньги? И вообще выбирал ли я? Тогда кто решил этот вопрос за меня? И что этот *выбор* или *не-выбор* означает?

Ладно. Я уже готов шагнуть сквозь время, но меня останавливает смехок моего младшего «я». Что еще? Ты тоже порвал карту не дома? А где? Что значит «не скажешь»? Какой к черту «сюрприз»? Я должен знать, куда меня выбросит!

Я начинаю ругаться, но понимаю вдруг, что бессилён. Я-молодой уже ускользает вниз по течению реки времени. Меня тянет вверх. Рефлекторное сопротивление. Барахтанье. В голову лезут дурацкие мысли, что я должен беречь свое юное «я», чтобы ничего не случилось со мной самим, но юное «я» вовсе не обязано заботиться обо мне. Впрочем, не сделает же он плохо своему телу. С этой мыслью я плыву в сверкающий водоворот.

Сюрприз! Я покажу ему потом сюрприз!

Сюрприз, однако, удается.

Это то самое озеро, с которого все началось, только ничего загадочного на этот раз не предвидится. Вечер. Берег. Костерок. Палатка. Песнопения сверчков и кузнечиков. Идиллия, нарушаемая лишь занудным писком комаров. Да, фирменный репеллент бы не помешал...

Мы сидим с Наташкой у тихо плещущей воды. Мы одни. Я нежно обнимаю ее за плечи. Она кладет голову мне на плечо. Как хорошо... Сидел бы так целую вечность. О том, что пора готовить почву для расставаний даже думать не хочется. Язык не повернется сказать что-то такое, чем-то обидеть ее... Гад я все-таки. Трусливый гад!

Закат догорает. Истончается багряная нить у горизонта. Ночь наползает с востока, безлунная августовская ночь.

О! Звезда полетела! Нет, не успел загадать. Ты тоже?

Здесь, вдалеке от огней цивилизации, по соседству с первобытными стихиями я в очередной раз пытаюсь понять, что значат эти перемещения, и правильный ли я делаю выбор? Расстаться с любимой девушкой просто потому, что так надо... Надо для успешного будущего. Променять любовь на отличный от нуля общественный статус...

Остаться с Наташкой... Я могу представить, как это будет. Ее родители – практически бедняки, мои – тоже. Чтобы начать жить, мне нужно будет бросить универ и пойти работать, и все равно отдельное жилье мы себе позволить не сможем. Жить с тещей... Бр-р... Или с моими... Тоже ничего хорошего. Снимать комнату? А если еще родится ребенок... С работой тогда, кстати, было туго. Я буду горбатиться где-нибудь на рынке на хозяина, завистливо сглатывая слюну при мысли о том, что этим хозяином вполне мог быть и я. Так просто – относительно небольшой капитал, умный наставник, полезные друзья – и вот уже начало положено. Так и получилось в моей версии жизни. Благодаря родне Ирки. Они устроили меня в небольшую фирму на хорошую должность. Я взял резкий старт, стал ценным сотрудником, перезнакомился со многими нужными людьми, а потом сошелся с большим боссом, у которого была дочь на выданье. Жанна. Вопросы этики были заменены вопросами «понятий». Ну, что говорить, я очень хотел вырваться из оков бедности. Вырвался. Стал пусть не богачом, но, по крайней мере, средним классом. Правда, не совсем независимым, я по-прежнему хожу под тем большим боссом, «папой», но все уже совсем не так, как было еще несколько лет назад. Ибо вложенные в меня пять золотых я отработал сполна и зерна, посаженные мной, дали обильные всходы.

В общем, в этой жизни не принято выходить на старт пустым. Американская мечта – это не для нашего общества.

Забавно, даже здесь, на природе, где система городских ценностей совершенно неактуальна, я все равно гну свою линию. Материализм. Бабки и только бабки. Не был я таким все-таки раньше. В любовь верил. Любить умел. Мне так кажется.

Черт! И ведь не дано никакого третьего варианта – к примеру, не терять Наташку из виду, продолжать общаться, дружить, а потом, когда-нибудь, когда почувствую, что могу, вернуться к ней. Нет, знаю, ничего не выйдет. Не будет Наташка меня ни с кем делить, не будет непонятно чего ждать, ничего не сложится с «просто дружбой». Глухо!

А, может, я вообще забиваю микроскопом гвозди? Может с помощью карт можно творить вещи гораздо более чудесные и притом изящные? Черт! Так некому научить-то!

Впрочем, есть еще один вариант. Перестать плыть по течению. Перестать быть обезьяной, которая научилась лишь одному трюку. Шагнуть в сторону с проторенной дороги и остановиться за один или два шага до финиша. Готов ли я попробовать или духу не хватит?

Твою налево! А ведь поначалу это походило просто на милый экзотический вид отдыха. Мирный отпуск в прошлом. Рандеву с памятью. А оно вот как обернулось! Я вынужден мучиться и страдать, пытаюсь сделать выбор между любовью и разумом, между любовью и долгом. Каким долгом? Да взять хотя б моих детей, которых я, как ни крути, люблю.

Знала бы Наташка, что за мысли бродят в моей голове. Знала бы она, что за страшный человек находится сейчас в теле ее семнадцатилетнего любимого – сволочь, циник, материалист... Рассказать? Нет, никогда!

Что? Снова звезда? И ты успела загадать желание? Какое, скажешь? Чтобы мы всегда были вместе? Я так и думал.

Я оставляю Наташку через пару часов. Оставляю расслабленной и удовлетворенной. Счастливо улыбаясь, заботливо укрываю своей рубашкой ее обнаженные плечи, поправляю край палатки, целую в закрытые глаза. Затем устраиваюсь рядом, прижимаюсь к прекрасному юному телу и засыпаю.

Я-молодой выходит из тьмы и с первых мгновений его появления я понимаю, что склоки не избежать. Он зол, я бы даже сказал, в ярости. Блаженное ощущение счастья, присутствовавшее в момент отхода ко сну, тут же улетучивается.

Я пытаюсь начать разговор первым, виновато признаюсь, что не смог ничего сказать из того, что следовало бы. Но мое юное «я», кажется, и не сомневалось в этом. И причина его злости в другом.

Он почти кричит о том, что я врал, что с Наташкой в моем времени все нормально. Ничего не «нормально»!

У меня все холодеет внутри. Что?! Что с ней?

В следующий миг я узнаю, что два года назад Наташка потеряла дочь, а три месяца тому ее муж стал инвалидом. Жизнь не миловала ее. Измученная женщина Наталья больше не похожа на прежнюю молоденькую Натку. От той, что мы любили, ничего не осталось. Последние его слова «Ей очень плохо, мужик!» прямо так пульсируют у меня в мозгу.

О, то, что я чувствую, не передать словами!

Ты видел ее, спрашиваю я, с трудом пытаюсь сохранить хладнокровие. Видел?

Нет. Он лишь разговаривал по телефону с ее мужем, Виктором. С ним произошел несчастный случай в шахте. Завалило. Куча переломов, сотрясение и – что уж совсем хреново – ампутация кисти правой руки. Наталья работает в две смены, чтобы собрать ему на операцию. Они живут в маленьком городишке в шестидесяти километрах отсюда. Когда я-молодой говорил с Виктором, тот плакал. Взрослый мужик, который бессилён что-либо сделать. Плакал.

Понимаю ли я, каково им? Каково ей?!

Я-молодой сникает и сам чуть не плачет. А я чувствую себя раздавленным и вывернутым наизнанку, мне даже не хочется спрашивать, как он узнал ее номер. Виноват ли я в том, что произошло? Виноват? Ну, скажите кто-нибудь, потому что я не знаю. Я, конечно, помогу ей. Все, что будет необходимо. Понимаю, что поздно, но лучше поздно, чем никогда.

Да, запал у меня-юного иссяк, но это не значит, что негатив по отношению ко мне рассеялся. Вряд ли. Это ж юность – максимализм, вспыльчивость, существование на одних эмоциях. Того и гляди он возьмет и все сделает по-своему. Останется с Наташкой, проживет такую жизнь, какую сам пожелает. Дойдет до всего своим умом, без моих советов. Скорее всего, пожалеет. А, может быть, и нет. Не исключено, он даже выберет тот самый путь, о котором я недавно думал сам. Остановиться в шаге от финиша...

Словно прочтя мои мысли, я-молодой заверяет, что уговор есть уговор и после того, как я проведу последний разговор с Наташкой, он больше не попытается возобновить с ней отношения. А далее – по плану.

Нечто вроде рукопожатия.

Прощание без слов.

Тьма.

Адрес и номер телефона Натальи я нахожу под клавиатурой офисного компьютера. Угрызения совести сильны, я не знаю, что буду говорить, не знаю, как пройдет эта встреча спустя годы. Но откладывать в долгий ящик визит к ним нельзя. В воскресенье я отправляюсь в тот шахтерский городок.

Холодно. Сезон дождей окончен. Серые тучи, низко нависающие над землей, временами роняют маленьких белых мушек. Пока снег тает, но это ненадолго. Дорога ужасна. Приходится напряженно прокладывать курс между ям и колдобин давно не ремонтируемого шоссе, тащиться в хвосте больших копящих грузовиков, сосредоточенно проходить подмерзшие участки. Впрочем, это отвлекает от тяжелых мыслей.

Как же погано я себя чувствую!

«Хонда», выдержав весьма нелегкий путь, еще немного плутает среди узких перпендикулярных улиц, затем ложится на верный курс. Финиш – у мрачной обшарпанной пятиэтажки с отсутствующей дверью парадного. Зловещий темный проем поглощает меня. Подъезд грязный и вонючий; облупленные и разрисованные стены. Сквозняки, гуляющие сквозь разбитые окна. Бычки, шприцы и бутылки из-под пива по углам. Вот и дверь, обитая в незапамятные времена дерматином. Сверяюсь с лоджией. Та! Звонок не работает. Стучу.

И долго не могу ничего сказать, когда дверь открывает она.

Мой пульс, словно секундомер, догоняющий время, за минуту пытается преодолеть пропасть в пятнадцать лет. Годы, годы...

Что? Муж говорил, что я звонил? Да, я звонил...

Она устало пожимает плечами и приглашает войти.

Мы сидим на маленькой, бедно обставленной кухоньке, пьем чай, разливаемый из чайника с треснутым носиком, в то время как ее муж в пропахшей лекарствами комнате (единственной комнате) лежит на кровати и смотрит телевизор. На вид ему под сорок, хотя вряд ли на самом деле он старше меня. Бледная кожа, впалые глаза. Я никак не могу забыть протянутую для рукопожатия левую руку и смущенный отведенный в сторону взгляд. У изголовья его кровати я замечаю фото, на котором счастливое семейство запечатлено с худенькой девочкой лет семи-восьми. Как же Наташкина дочь была похожа на свою маму!

Мы сидим. Передо мной уставшая измученная женщина, которую не пощадило время, оплывшая, с сединой на висках, с натруженными руками, которые давно забыли что такое маникюр. Особенно страшно оттого, что еще буквально вчера я засыпал рядом с ней в палатке, и она была юной, красивой, желанной, живой, с упругим телом, гладкой кожей и шелковистыми волосами, струящимися по плечам. И вот она – реальность! Просто в голове не укладывается.

Мы сидим. Разговор не клеится. Наталья запахивает потуже старенький халат, запускает руку в короткие нечесанные волосы, извиняется за свой внешний вид. Ерунда, говорю я, но мое строгое пальто и ботинки за две сотни баксов, наверное, кричат об обратном. Говорить про то, как мы жили все эти годы, не хочется совершенно. Вспоминать прошлое – тем более. Мы полностью чужие друг другу. Между нами – стена, и я не знаю, какие слова помогут нам пусть не сломать ее, хотя бы прорубить маленькое окошко.

От полной безысходности меня спасает лишь не до конца растроченная синева ее глаз, которую я вижу, на мгновенье перехватывая взгляд.

После очередной попытки завязать разговор, я сдаюсь, и просто достаю из внутреннего кармана деньги. Тысяча баксов – граничная сумма, которую я могу сейчас изъять из бюджета, больше – уже пойдут разборки с женой и вопросы «папы». Поверх купюр – моя визитка.

Да, это вам. Я хочу помочь твоей семье, Наташа. Здесь тысяча. Нужно будет еще – позвони, вот карточка.

Она ошеломленно смотрит на деньги. Отказывается, но совсем вяло. Я знаю, как нужны ей эти деньги. Я слышу «спасибо» и вижу стыдливо потупленный взор. На самом деле стыдиться и испытывать муки совести нужно мне.

Вслед за этим я откланиваюсь. В дверях мы задерживаемся, и Наталья касается моей руки. Это касание совсем не похоже на те, что я помню, однако кожу словно жжет электричеством. Ошеломленно я смотрю на руку, потом медленно поднимаю глаза. Она плачет. Слезы, одна за другой катятся по щекам, губы дрожат. Не в силах больше терпеть этот ад, я бегу вниз. Последние ее слова эхом звучат у меня в ушах.

Все могло бы быть иначе, правда?

После поездки в шахтерский городок я прихожу в себя не меньше недели, а то и больше, глуша вечерами коньяк и притупляя сознание бездумными компьютерными стрелялками, отобранными у сыновей. Звонка от Натальи я не жду, знаю, что его не будет. Я просто перевариваю все, борюсь с собой, вновь и вновь пытаюсь найти или выход или оправдание. Наконец, я принимаю решение, и клочки червового короля ложатся на ковер моего кабинета.

С самого начала я чувствую себя не в своей тарелке. В наших отношениях с Наташкой какая-то неловкость, напряженность, настороженность, и я в принципе знаю причину – я-молодой провоцирует ссоры и конфликты, ищет всевозможные предлоги, пытается придраться ко всему. Я также догадываюсь о том, что это получается у него плохо, и вслед за ссорами следуют примирения – любовь в себе убивать так трудно! Еще он, наверное, оправдывает себя тем, что последний удар должен быть за мной. Должен-то, должен, но...

Интересно, сколько это продолжается? Сколько он уже мучает и ее, и себя? Как далеко зашел? Надеюсь, еще не слишком далеко. Надеюсь, все еще можно вернуть.

Я здесь сегодня как раз для этого.

Это решение мной по-настоящему выстрадано. И, кажется, это единственный выход.

Да, никакого разрыва с Наташкой не будет. По крайней мере, сейчас. И уж точно не по моей инициативе. Я умываю руки. Пусть чувства преобладают над разумом, пусть балом правит любовь. Я не буду больше давить, не буду уговаривать, не буду мешать. Весь расклад и так как на ладони. Если я-молодой желает быть вместе с Наташей – пусть будет. Надеюсь лишь, что он не пожалеет. А я... Я останусь, как говорится, при своих. Я влюблен в Наташку не меньше своего юного «я», но моя жизнь держит меня гораздо крепче. Я связан по рукам и ногам, я привык к обеспеченности, благоустроенному быту. У меня есть два родных обормота... Терять это я не хочу.

Поэтому, чтобы сохранить свой мир и свою жизнь, я решил просто не рвать последнюю карту. Ведь мы пришли к выводу, что все перемены должны случиться именно потом...

Я представил, как я-молодой рвет последнюю черву – туза, входит в астрал и... не находит там никого. Нет, я, конечно же, предупрежу его. Напишу записку...

После нескольких минут слегка настороженного телефонного общения мы договариваемся с Наташкой о встрече в парке. Я покупаю цветы и иду пешком, чтобы насладиться умытым августовским дождем городом юности, с которым мне очень скоро прощаться. Мое настроение – гремучая смесь из шемящей тоски, надежды в то, что я все делаю правильно, мук расставания с любимой, и тихой радости оттого, что все это вообще имело место в моей жизни. Как там крылатое: «Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было».

Город. Я иду и пытаюсь вобрать в себя на память его атмосферу, краски, запахи, звуки, ритмы. Я хочу запомнить эти улицы и эти дома, эти ларьки и деревья, эти трамваи и троллейбусы, этих людей, которые живут и не знают, что ждет их впереди. Пусть не было ничего особенного во всем этом, пусть это время было для многих весьма непростым, но для меня оно останется самым лучшим. Что спорить – это в душе. Это в реанимированной памяти.

Я иду, незаметно пуская улыбку на свои губы. Я хочу насладиться каждой травинкой и каждым лучиком, каждой трещиной в асфальте, пока у меня есть время, пока я еще не разучился все это замечать. У горизонта тает робкая радуга. Стая голубей кружит в вечернем небе. Ветер играет кронами деревьев, сбрасывая с листьев на прохожих теплые капли. Радио на углу на фоне старомодной мелодии сообщает о первой годовщине первой FM-радиостанции в городе. Еще можно увидеть на улице легендарные «Победы» и горбатые «Запорожцы», а 412-й «Москвич» уходит со светофора как заправский гонщик. Выпятив грудь, проходят волосатые металлисты в модных черных футболках с изображением рок-групп. Скоро такие персонажи станут редкостью. Мамаши выгуливают своих карапузов – интересно, какими станут их дети через пятнадцать лет? Пенсионеры на лавочке в сквере играют в шахматы. О том, что будет с ними спустя годы, думать не хочется.

Я поднимаю голову вверх и вижу вечность – небо, солнце, облака, и маленький кусочек почти исчезнувшей радуги...

Надо все-таки чаще смотреть ввысь...

Наташка очаровательна. При мысли, что мои часы пребывания с ней сочтены, у меня щемит сердце.

Мы встречаемся у входа в парк отдыха. Я протягиваю букет и получаю в награду поцелуй. Поцелуй теплый и живой, но в уголках губ – лед, и я хочу его растопить. Я приглашаю Наташку на свидание с небом. Когда корзина «чертового колеса» взмывает над землей, я беру ее за руку.

Любимая, прости меня. Прости меня за то, что я был таким, что я себя так вел. Я был неправ... Нет, ты тут ни при чем. Дело во мне. Да, я в последнее время словно изменился, я обижал тебя, но это не повторится. Я даю слово, что отныне все будет хорошо. Это было... Под давлением обстоятельств, скажем... Нет, я не оправдываю себя. Каких обстоятельств? Я расскажу об этом позже, ладно? В эту минуту я хочу лишь, чтобы ты поняла, все будет хорошо.

Не знаю, откроет ли я-молодой нашу тайну, но я бы на его месте попытался изложить основную мысль. А может и всю нашу историю от первого до последнего слова, от двойки и до... последней карты. Мне кажется, Наташа должна узнать, эпицентром каких страстей являлась. Но решать, говорить ей про все или нет, уже не мне.

Мы в верхней точке. Ветер треплет наши волосы, доносит аромат отступившей грозы.

Милая, давай не будем разбираться во всем этом. Не сегодня. Ну, пожалуйста! У нас еще будет время. Смотри, какое небо! Смотри, какая красота вокруг! Давай все забудем. Забудем все плохое. Я только теперь осознал всю ценность нашей любви. Пожалуйста, поверь! Я говорю правду.

Ты готова? Тогда мы оставляем наши недомолвки и проблемы на этой высоте и ступаем на земную твердь парой, которую ничто не сможет разлучить.

О, как же я люблю ее чистый звонкий смех! И поцелуй ее люблю.

Нам хорошо. Я стараюсь наглядеться в ее глаза, вдоволь насладиться вкусом ее губ и запахом волос, сохранить в памяти бархат ее кожи и голос, но перед смертью не надышишься – есть такая поговорка.

Очень верная, по правде сказать.

Вечер пролетает как одно мгновение.

Мы гуляем, мы едим мороженое, мы катаемся на карусели. Мы подолгу целуемся, теряясь при этом во времени и пространстве так, как могут только молодые и по уши влюбленные. Мы сидим на лавочке в укромном уголке, пьем одну бутылку пива на двоих и говорим о жизни, о том, что нас ждет, о нашем будущем доме и о том, как назовем наших детей. Слова слетают с языка легко, но на душе тяжелый мутный осадок оттого, что я знаю, как могут разбиваться юношеские мечты о камни реальности. Моему «я» из прошлого и Наташке придется несладко. Жизнь не будет к ним благосклонна.

Хотя... Кто знает...

В любом случае, он сам отверг дворец и сделал выбор в пользу рая в шалаше. Я не осуждаю его, особенно теперь, но и помочь ничем не могу.

Мои минуты здесь уже сочтены. Закат гаснет.

Я становлюсь печальным, погружаюсь в себя. Я знаю, мне нужно взять себя в руки, проводить Наташку до дома, попрощаться с ней и возвращаться, но я не знаю, смогу ли отпустить ее руку, зная, что это НАВСЕГДА.

Смогу. Мне ничего другого не остается.

Я борюсь с искушением зайти к Натке на чай. Отказываюсь. Это лишь продлит агонию. Ни к чему. Мы долго стоим в темноте у подъезда, почти не разговариваем. В доме постепенно начинают гаснуть окна.

Не плачь, потому что это закончилось, улыбнись, потому что это было, говорю я себе.

Я пытаюсь стать холодным. Я пытаюсь абстрагироваться от чувств, потому что иначе будет совсем худо.

Я чуть не говорю «Прощай» вместо «Пока». Пока, родная, милая, любимая! Что? Всего лишь «до завтра»? Ах, ну да, конечно... До завтра!

Но завтра для меня не наступит в этом мире никогда.

Я все-таки отпускаю ее, выжидаю несколько секунд и ухожу. А Натали, взбегая по лестнице, навсегда уносит с собой часть моего сердца.

Домой я добираюсь довольно экзотическим способом – меня подвозит какой-то забытый знакомый. Подвозит на мотоцикле. Это можно расценивать как прощальный подарок судьбы – во-первых, пусть даже я не за рулем, но от поездки я получаю такое забытое ностальгическое удовольствие, во-вторых, встречный ветер бодрит и отгоняет мою печаль, в-третьих, дома я оказываюсь гораздо раньше, чем ожидал. Родители еще не спят, смотрят телевизор. На удивление – никаких наездов в мой адрес...

Я задерживаюсь в их комнате – хочу побыть напоследок с ними такими, еще совсем не старыми.

Да, посижу с вами. Спать не хочется. Есть? Нет, мама, есть не хочется. Да, я знаю, что в холодильнике... Фильм интересный? Смотрю. Что? Я сегодня странный? Нет, ма, все в порядке. Чего говоришь, папа? Когда я представлю вам свою невесту? Скоро. Наверное, скоро. У нас все серьезно? Да. Серьезно.

Не знаю зачем, но я пытаюсь врубиться в происходящее на экране. Хм, вообще трудный период – рекламы уже достаточно, а пульты дистанционного управления в широкий обиход еще не вошли. Через полчаса, когда хорошие парни побеждают плохих парней, мама уже спит, папа засыпает. Я выключаю телек, вполголоса желаю им спокойной ночи и иду к себе.

У меня остается последнее дело. Я включаю тихонько свой скрипучий кассетник, беру лист бумаги и сажусь у окна. Под гитарные рифы кого-то из легенд ритм-энд-блюза и мелодичный шелест акации я пишу письмо себе здешнему.

Я пишу. Про свое решение. Про последнюю карту. Про жизненные пути, которые с этого момента расходятся. Про то, что теперь все в его руках. Про любовь, смелость и верность. Про то, что я никогда не забуду это время. В конце я желаю ему удачи, а после слов прощания долго думаю, как подписаться и в итоге ограничиваюсь емким и всеобъемлющим «Я».

Все! Я оставляю письмо на видном месте, в последний раз оглядываю свою комнату. Ничего не могу поделывать со стремительно влажнеющими глазами... Тушу свет, еще несколько мгновений стою у окна, слушая ночь, пытаюсь уловить что-то там, за ее гранью. Может быть, осень, крадущуюся на цыпочках в город, может быть, само движение времени. Падающими звездами небосклон не радуется, да и желать-то мне в принципе нечего. Со щеки скатывается слеза. Реквием по упущенным возможностям, по прошлому, по Наташке...

Наконец, я падаю в кровать ничком и засыпаю, по-детски всхлипывая, уткнувшись носом в подушку. Слуга времени – часы на стене – сопровождают мой исход мерным тиканьем.

Астрал.

Мы долго молчим – я и я-молодой – словно пытаемся сохранить хрупкое перемирие, не сорваться на склоку. Я ничего не говорю про свое решение. Почему? На то нет однозначного ответа. Всего понемногу. Прежде всего, я больше не хочу давить на него. Пусть сам думает, как ему поступить, и какой путь выбрать – на мою жизнь это уже никак не повлияет, пока цела последняя карта. Я знаю, он останется с Наташкой, но я

надеюсь, он подумает надо всем еще раз. Сам. Кто знает – может быть, желание прожить жизнь состоятельного человека все-таки перевесит? Кроме того, мне не хочется чувствовать себя проигравшим. Для меня это сопоставимо с признанием в слабости и неправоте. А еще мне нравится расценивать свое решение как прощальный сюрприз.

Поэтому я молчу. Молчит и он тоже. Видимо, устал. Эмоционально.

Что? Да, поговорил. Как? Нормально. Как-то подозрительно он ведет себя. Уж не заподозрил ли чего? А вдруг он додумался до того же, что и я? Впрочем, какой смысл? Если бы он захотел, то смог бы настроить Наташку так, что моя попытка расстаться с ней элементарно сорвалась бы, или просто продолжил встречаться с Наташкой и после последней карты. И я ничем не смог бы помешать ему.

Ха, а вот и долгожданная реакция. Я-молодой начинает беситься, набирая обороты, но в его словах, как ни странно, я нахожу немало смысла.

Не думал ли я, что все это не просто так, что эта колода – шанс, дарованный нам, шанс что-то изменить в своей жизни, исправить? И Наташка... Не думал ли я, почему именно вокруг нее все завертелось? Не вокруг Кати, в которую мы были влюблены до, не вокруг Иры, которая была... или будет... после, а именно вокруг Наташки? Спихнуть на случайность? Можно. Но разве сердце не говорит об обратном?

Я не перебиваю его. Знаю, что он прав. К таким примерно выводам я пришел и сам. Но признаваться в этом нет никакого желания. Гордыня, мать ее...

Я снисходительно улыбаюсь в ответ на его наезды и оскорбления. Да, я корыстный бесчувственный жлоб! Да, ты не такой! Черт! Парень, я знаю это! Ты действительно не такой. Но и я еще не безнадёжен. Ты поймешь, когда вернешься.

Некоторое время мы напряженно молчим. Он то ли чего-то ждет от меня, то ли что-то хочет сказать, но не решается. Я ищу возможность нормально попрощаться. Ведь, скорее всего мы уже не встретимся, а если и встретимся, то спустя очень много лет.

Все заканчивается простым неопределенным поднятием руки. Ладно. Долгие проводы – лишние слезы.

Водоворот тьмы уносит меня сквозь звезды и туманности неоткрытых вселенных времени.

Перед рассветом мне снится сон. Кажется, такое впервые. Обычно в ночь после перемещения мне ничего не снится... или я напрочь все забываю. Но не сегодня. Видимо, слишком много эмоций было пережито накануне, вот подсознание и выкинуло такой фокус.

Мне снится роскошный загородный дом. Я вижу его ярко освещенное крыльцо и подъездную дорожку. На ней много красивых дорогих машин. Тут, видимо, происходил какой-то праздник или светская вечеринка, но сейчас уже ночь, и все разъезжаются. На крыльце стоят хозяева дома, а гости по очереди подходят к ним, говорят несколько слов, жмут руки, обмениваются поцелуями и улыбками, затем садятся в машины и уезжают. Когда толпа рассеивается, я, наконец, могу разглядеть хозяев.

Мне становится не по себе.

В нескольких метрах от меня стою... я сам. Не я-молодой, а именно я, мужчина тридцати с хвостиком лет. Ухоженный, элегантный, подтянутый. Одетый в смокинг. Улыбающийся. Рядом с этим мужчиной она... Наташа. Я ни разу не видел ее такой. И не представлял. Это – дама. Это – королева. Ей столько же, сколько и мне. Она статная, оформившаяся, безумно красивая уже не девичьей, а именно женской красотой, совсем не похожая на своего измученного двойника, которого я видел в шахтерском городке. Да и как можно сравнивать!? Шикарное вечернее платье цвета морской волны, изящная объемная прическа, идеально подобранный макияж, перстни на пальцах...

Последние гости разъезжаются. Я замечаю вдруг, что на крыльце помимо этих двоих стоит еще девочка лет десяти, тоненькая и хрупкая. Она машет рукой огням последней удаляющейся машины, потом обнимает своих – в этом нет сомнения – родителей и они уходят втроем в дом. В их жестах и глазах любовь, тепло и счастье.

Двери закрываются сами. На крыльце гаснет свет. И только теперь я начинаю понимать что-то. Я видел сейчас не себя. Я – вот он, вот мои руки и ноги. Ноги стоят на ступенях чужого крыльца чужого дома. И в дом этот сейчас вошел в компании любимой жены и дочери совсем другой человек. Рискнувший и выигравший. Сумевший угнаться за двумя зайцами. Не предавший любовь и вместе с тем многого достигший в жизни. Достигший даже более чем я.

Я подхожу к закрытой двери, касаюсь рукой стекла, вижу, как по какому-то длинному коридору уходят вдаль три силуэта – два больших по краям, один поменьше в центре. Впереди у них горит свет, а там, где они проходят, за их спинами, свет гаснет. Фигурки все меньше и меньше. Темноты между ними и мной все больше. Наконец остается одна темнота. Я делаю шаг назад, Дом высится надо мной, смотрит мне в душу черными глазами неживых окон. Вокруг ни единого человека, ни единой детали, за которую может зацепиться взгляд.

Я хочу броситься вдогонку за теми, кто ушел внутрь, но дверь заперта, дом не пускает меня. Я бессильно сползаю на крыльцо, понимая, что остался в полном одиночестве.

И что одиночество это я полностью заслужил.

Пробуждение – тяжелое. Отчасти из-за сна, отчасти от всего пережитого вчера. Да и вообще... Оно всегда тяжелое после перемещений. Я уже выучил это. Сознание, управлявшее другим телом, перестраивается обратно не сразу. Тем более что тело, которым я владел вчера, было юным, сильным, а сегодня у меня немного ноет поясница, и мышцы уже не призывают выпрыгивать из кровати навстречу новому дню. Кроме того, сегодня я просыпаюсь со вселенской тоской по всему, что не вернуть.

Я разлепляю глаза, озираюсь. Вокруг – мой дом, неизменный до такой степени, что я уже начинаю сомневаться в том, что вообще возможно изменить настоящее из прошлого. Меня убивает наповал эта мысль. Я находил оправдание, почему ничего не меняется после моих отдельных визитов, в том, что такова природа карт, и я получу все оптом. Возможно, что и так, теперь не узнать. Но что если все-таки берега реки времени неизменны? Что если не правы фантасты!? Чувствую все это про бабочку, смерть которой спустя миллиарды лет меняет президента и про альманах спортивных достижений, способный превратить недоумка в миллионера. И про ключевые моменты истории и биографии – чувствую... Все предопределено. Как ни крутись, как не извращайся, а все, что тебе на роду уготовано, получишь сполна и называется такое положение дел звучным словом Фатум. Судьба.

Забавная теория. А вот еще одна (интересно, что это меня потянуло на теории именно сегодня): что, если вовсе не в прошлое я путешествовал, а в некий параллельный мир, просто чуток отдаленный от нашего во времени? Иная вселенная, *независимая* вселенная. Там все сложится так, здесь – иначе. Если эта версия истинна, то вообще не стоило напрягаться. Но, в любом случае, правды я, скорее всего, уже не узнаю.

Я выбираюсь из кровати. Подхожу к окну, упираюсь лбом в холодное стекло. Там, снаружи, идет снег. Зима. Лето навсегда осталось в прошлом. Самое замечательное лето в моей жизни.

Звуки в доме. За стеной гомонит ребячье, Жанка шуршит на кухне, напевая себе под нос знакомое неопределенное «ла-ла-ла». Хорошее настроение? Удивительно! Гляжу на часы. Почти десять. Ох, и засиделся, видать мой двойник вчера. Интересно, чем он занимался? Отрывался, наслаждаясь современными штучками, зная, что осталось совсем недолго? Собирал информацию, чтобы суметь стать тем, кого я видел во сне? А может это «ла-ла-ла» неспроста? Постель вдруг начинает казаться мне измятой более обычного. Укол ревности...

Я заворачиваюсь в теплый халат и, стараясь не шуметь, пробираюсь в свой кабинет. Здесь все на своих местах, ноутбук и музыкальный центр выключены. Я сажусь за свой стол и замечаю его. Диск Гриши Лепса, с той самой «Натали». Подарок. Надо же!

Под диском записка.

«Извини, старик. Ты, конечно, меня осудишь, но иначе я не могу. Я очень люблю Наташу и не расстанусь с ней. Мы сами будем строить нашу жизнь. Как получится – так получится. А чтобы не подставлять тебя и твою состоявшуюся жизнь, я решил не рвать последнюю карту. Спасибо тебе за все. Прощай!»

Я перечитываю записку еще два раза. На втором начинаю хохотать. Ну, конечно же! Он решил точно также. Он... Я... Ведь мы – одно и то же. Кто бы сомневался...

Он оставит последнюю карту, и начнет жить с чистого листа. Может быть, спустя годы он порвет ее, чтобы проверить, у кого из нас получилось лучше.

Когда мы встретимся, и встретимся ли вообще, я не знаю.

Я все еще смеюсь. Представляю, как где-то я-молодой делает то же самое. Придурки! Могли бы не устраивать этот цирк в конце и хоть попрощаться нормально!

Я кладу червового туза под обложку подаренного компакт-диска и ставлю коробочку на полку. Потом, позже, я еще его послушаю, и не раз. Когда останусь один, когда будет ночь, когда я буду настырно ждать хотя бы одной упавшей звезды, чтобы загадать счастья для тех, кто идет своим путем.

Январь-март 2005,
Февраль 2007